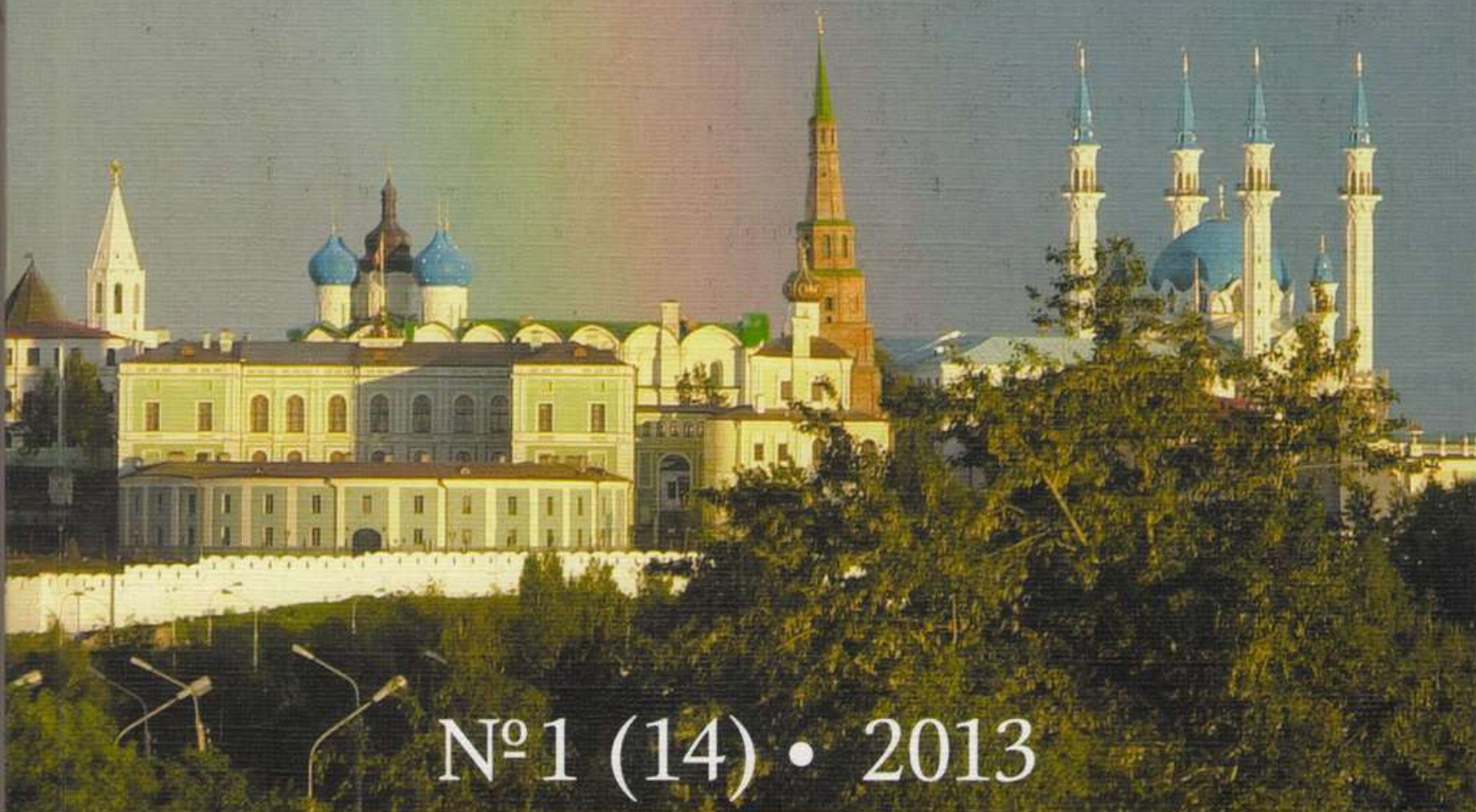

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН 12+

№1 (14) • 2013

ВИТЯЗИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

КОЛЕСО ПО ДОРОГЕ КАТИЛОСЬ

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка – ведьма,
Мол, ей и сглазить – плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи – не указ.

Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым бела
И подозрительно здорова...
Вплоть до того, как померла.

С кончиной каверзной старухи
Утихомирилась молва...
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину шагов сто двадцать,
Двести семьдесят – в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
 Пристегнув себя к ружью,
 И пугает колотушкой
 Тень горбатую свою.

РОДИНА

Дойдешь до чёрного столба,
 Сверни направо:
 Твоя здесь скорбная судьба,
 Твоя держава.

Твой худо-бедный огород
 В тени крапивы,
 Тебя заждались у ворот,
 Рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
 Четыре срока.
 А мать... а мать ещё жива,
 Да одинока.

Ждёт обветшалая изба
 Тебя так долго.
 Сверни у чёрного столба —
 Нет выше долга.

ДОМ

Дом построен. Ещё не остыли
 Зубья пил и бойки молотков.
 Срублен он мужиками простыми,
 Вот, послушайте тех мужиков:

- Ох, наличник! Спасибо Емеле...
- Птах весной прилетит под застрех...
- Бог помог — до Покрова поспели...
- Так теперь и по чарке — не грех...

А потом расходились по трое,
 Окликая октябрьскую тьму.
 Дом построен!
 Всем миром построен!
 Значит, мир будет в этом дому.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висели дома на высоких дымах —
 Отчаянно печи чадили в домах,

И в каждой четвёртой по счёту печи
 Румянили к Пасхе бока куличи.
 Клубился ванильный над крышами дух,
 Творились молитвы устами старух,
 И вздох колокольный летел до небес,
 И верили люди:
 — Спаситель воскрес!..

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
 В доме чисто вымыт пол.
 Я давно хожу кругами,
 Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
 Хлопотливый мамин труд.
 Уходя, она сказала:
 — Не таскайте,
 пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
 И, с самим собой в борьбе,
 Я тещу: сестре — с капустой,
 С мясом — папе и себе...

Мама громко нас ругает,
 Отводя смешливый взгляд.
 Если пахнет пирогами,
 Значит в доме мир и лад!

ХРАМ

Храм рождался тяжело,
 Туже истины.
 Собиралось всё село
 Возле пристани.

И стучали молотки
 Лето целое.
 Поднималось у реки
 Чудо белое.

В небеса взметнулся крест
 Ярким всполохом.
 Долгожданный Благовест —
 Грянул колокол!

ЮРОДИВЫЙ

Тих, одинокий, печален.
 Нечего взять с него.
 Смотрит из-под развалин
 Разума своего:
 Взглядом пронзит тяжёлым,
 И не удержишь слёз.
 Паперть метёт подолом,
 Гулко бубнит под нос.
 Скорбный, как шорох листьев,
 Голос его дрожит.
 И от колючих истин
 В страхе народ бежит.

ПРО СОСЕДКУ

Долго не пишется... Яблони ветка
 Лезет в окошко, тихонько звеня...
 Тут вот на днях прицепилась соседка:
 «Ты, говорит, напиши про меня.
 Я ж, погляди-ка, страдаю от веку:
 Брошена, дети — сиротки, как есть...»
 Как же, ну как объяснить человеку:
 Судеб разбитых на свете — не счесть.
 Нынче хорошее встретится редко,
 Чаще — предательство, злоба, враньё.
 Ну а соседка... Да что там соседка!
 Я ведь уже написал про неё:
 В этом стихе, и вот в этом, и в этом —
 Долго верёвочку горькую вью...
 Нет. Обзывает хреновым поэтом —
 Хочет фамилию видеть свою.

* * *

В период коротких закатов
 Кусается злее недуг.
 Туман под деревьями матов,
 А воздух холодный упруг.

Ночная тревожная птица
 Клянёт ледяную росу...
 И очень легко заблудиться
 В себе, как в дремучем лесу.

* * *

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
 Хотя не морозно ещё, и не снежно,
 Но в сумерках рыжих запуталось время,
 Как спички, сгорев, почернели деревья.

А небо готово на землю свалиться,
И первыми это почуяли птицы.
И, вскинувшись, вьсь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

* * *

Небо свесилось устало.
Август звёзды сыпал густо...
Человека вдруг не стало.
Свято место стало пусто.

Присмирели вдруг дубравы,
Зябкий стон поплыл над пашней.
Показалось, лёг на травы
Снег, безвременно опавший.

Мир застыл вполоборота.
И под звёздною порошей
Тихо-тихо молвил кто-то:
— Человек-то был хороший...

* * *

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал
И паял, и клепал — за грош.
И шутил:
— Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
— Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Видно много на нём отметин —
Так болит, что уж мочи нет...
Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:

— Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле — совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?

А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...

ПАМЯТЬ

Отец шагнул в родимый дом
Из огненного круга.
Четыре года сын с отцом
Не видели друг друга.

Война впечатала свой след
В их судьбы, точно в глину.
Отцу исполнилось сто лет,
Четыре года — сыну.

Суровый, будто трибунал,
Молчит в дверях мужчина.
Пацан родителя узнал,
Тот не припомнил сына.

КОЛЕСО

Колесо по дороге катилось,
На ухабах стираясь до дыр.
В нём усталая белка крутилась —
Приводила в движение мир.

Ах, как весело спицы сверкали!
Мир раскрученный мнился иным.
Колесу мы кричали в запале:
— Ну давай!..
И летели за ним...

Пронеслось, прозвенело, умчалось
В даль далёкую, за окоём.
Только пыль на дороге осталась,
В нас — инерция. Так и живём.

Так живём, одурманены снами,
В переулках уютных квартир.

Колесо догнывает в канаве.
Белка сдохла.
Но крутится мир!

